

**С. А. Воробьева, А. О. Волгушева,
А. Ю. Комарков**

Деятельность профсоюза работников искусств в 1920-е гг. (с привлечением материала по Саратовской губернии)

Истории профсоюзного движения посвящены сотни монографий и научных статей. Однако специальных работ, которые бы рассматривали историю профсоюза работников искусств, немного, так как данная тематика рассматривается в контексте общих вопросов культурной политики большевиков. В советской историографии отсутствует абсолютно полное освещение истории профессионального движения работников искусств¹. В постсоветской историографии общественные организации творческой интеллигенции исследуются Т. П. Коржихиной, в монографии которой есть разделы, посвященные развитию взаимоотношений творческих объединений и Всерабиса². Вопросы, связанные с профсоюзом работников искусств, можно найти в публикациях В. С. Жидкова и В. Л. Соскина³. В 2006 г. вышла монография И. В. Сибирякова «Всерабис: страницы истории», в которой дан анализ основных этапов формирования профсоюза, его функций, взаимоотношений профсоюза с партийными и государственными органами, его значения для новой советской культуры и творческой интеллигенции⁴, но по-прежнему остается актуальным более глубокое научное исследование.

В настоящий период времени выходит множество статей, посвященных, как правило, деятельности отдельных губрабисов⁵. Деятельности Саратовского гу-

бернского отдела профессионального союза работников искусств практически не уделено должного внимания со стороны историков.

Придя к власти, большевики начали осуществлять свою культурную политику через различные общественные организации. До советской власти и в первые месяцы ее существования профсоюзы работников искусств были достаточно разрозненны и малочисленны, а их деятельность носила больше просветительский характер, что выражалось в организации выставок, спектаклей, концертов. Также они обсуждали свои профессиональные проблемы и оказывали материальную помощь нуждающимся деятелям искусств. Что касается их политической ориентации, то вряд ли возможно их упрекнуть в лояльности к новой власти. Старая художественная интеллигенция была скорее нейтральна и старалась придерживаться независимости, что нашло отражение в высказывании председателя Президиума ВЦСПС М. П. Томского: «...работники искусств представляли собой массу, мало подготовленную к восприятию не только коммунистического идеала, но и просто общественной работы»⁶.

Новая власть стремилась к преобладанию в профсоюзном руководстве коммунистов, и профсоюз работников искусств не стал исключением. В своей программе новая власть отмечала, что если при капитализме профсоюзы противостоят государству, то при советской власти они являются школой коммунизма. Однако исходя из того, что создание профсоюза работников искусств — это задача, поставленная сверху, мы не можем отрицать того факта, что творческая интеллигенция не противилась этому решению, напротив, деятели искусств понимали необходимость в объединении: «Настал момент отбросить взаимное недоверие и объединиться всем, без различия художественных направлений, в единый профессиональный союз на почве преследования экономическо-бытовых и художественно-правовых задач, ибо лишь в единении всех, художники могут являть на этом пути мощную волю»⁷. Разница между пониманием роли профсоюза была очевидна: творческая интеллигенция, в отличие от партии, желала защитить свои права, получить социально-экономическую и правовую поддержку, партия же видела профсоюз как проводник коммунистических идеалов.

Для сплочения многочисленных художественно-творческих союзов в единый профсоюз партия развернула всестороннюю деятельность. 15 ноября 1918 г. на Первой конференции профессиональных союзов деятелей искусств была «однозначно выражена воля партии о необходимости объединить все творческие союзы и организации в единый профсоюз», что нашло отражение на Второй конференции, которая прошла спешно, через два месяца — 22 января 1918 г. и результатом которой явилось создание 31 января 1918 г. профсоюза работников искусств (Всерабис) во главе с коммунистом Ю. М. Славинским⁸.

В провинции, в частности в Саратовской губернии, руководствуясь циркуляром № 6898 ЦК Всероссийского центрального совета профессиональных союзов от 31 марта 1919 г. и согласно решению Всероссийского съезда работников

искусств, предлагалось принять меры к прекращению дальнейшего обособленного существования организации в целях образования Единого союза работников искусств с единым правлением, единой канцелярией и общей кассой без дробления на какие-либо секции⁹. Таким образом в г. Саратове был создан Саратовский губернский отдел профессионального союза работников искусств.

В 1924 г. в связи с созданием Всесоюзного профсоюза работников искусств губотдел стал называться Саратовским губернским отделом Всесоюзного профессионального союза работников искусств, а в 1928 г. при организации Нижне-Волжского края губотдел профсоюза Рабис был ликвидирован, вместо него образовался Нижне-Волжский краевой отдел Всесоюзного профессионального союза работников искусств¹⁰.

Хотя Всерабис был создан по примеру профсоюзов индустриального пролетариата, интересными представляются дискуссии о самоидентификации творческих людей, включенных в профсоюз. В Наркомфине, например, первоначально полагали, что Всерабис — это объединение людей свободных профессий. Члены Всерабиса не раз на общих собраниях, конференциях, страницах периодической печати того времени задавались вопросом, какой союз Всерабис: производственный, интеллигентский или пролетарский? Вывод мы находим в статье «Кто мы такие?» «Вестника работников искусств»: Союз работников искусств, бесспорно, союз производственный, поскольку существует производство художественных ценностей и поскольку организационно Всерабис построен по производственному, а не цеховому признаку. Он объединил всех работников, занятых в области искусства без различий профессий. Но, будучи союзом производственным, Всерабис не может быть отнесен к разряду союзов индустриальных, так как не охватывает собой фабрично-заводской промышленности¹¹.

Существовало мнение, что Всерабис — не рабочий профсоюз, однако это мнение было раскритиковано: «...не существует в природе ни одного производства, а стало быть, и ни одной производственной союзной организации, которая состояла на все 100 % из рабочих и не имела в своем составе определенного процента служащих-интеллигентов. Естественно процент рабочих во Всерабисе значительно меньше, чем, например, в союзе металлистов... союз работников искусств не менее зорко, нежели другие союзы, следит за тем, чтобы в его ряды не проникали предприниматели и социально-чуждые пролетариату нетрудовые элементы. В этом-то и заключается коренное отличие Всерабиса от разных художественных обществ, открывающих свои двери и продавцу, и покупателю рабочей силы — и рабочему и работодателю. Это дает Всерабису право не только формально считать себя одним из 23-х братских пролетарских профсоюзов, объединенных ВЦСПС»¹².

После 1920 г. сложилась следующая структура Всерабиса: во главе стоял Центральный совет, в каждом губернском городе были отделы, которые контролировали уездные отделы, которые, в свою очередь, объединяли местные

комитеты. Структура Саратовского губотдела Рабис была следующей: секретариат, отдел учета и распределения рабочей силы, организационно-инструкторский, информационно-статистический, тарифно-нормировочный, культурно-просветительский, финансовый отделы¹³.

Номинально Всерабис должен был разрешать различные вопросы в области искусства. Согласно его уставу, ему была даже подотчетна художественная секция Наркомпроса, но реально в случае разногласий преобладали государственный и идеологический подход, нежели профессиональный, партийные указания считались обязательными и проводились через коммунистическую фракцию Рабиса и ВЦСПС.

29 октября 1920 г. состоялось совместное заседание президиума ЦК Всерабиса, коммунистической фракции ЦК и коллегии художественного сектора Наркомпроса, на котором было принято решение, что Рабис будет участвовать в руководстве искусством только через своих представителей в Наркомпросе, в свою очередь руководство и местные комитеты Союза не имеют права вмешиваться в управление искусством, а также отменять либо приостанавливать распоряжения государственных органов¹⁴. Таким образом, практическая деятельность Всерабиса главным образом была сосредоточена на материальном обеспечении творческой интеллигенции, на идеологическое руководство искусством профсоюз не претендовал.

Формально власть должна была финансировать культуру, фактически же государственные средства шли на другие цели, а культура была обречена на выживание своими силами. Профсоюз работников искусств спасал людей от голода, безработицы, занимался учетом и распределением заказов, помогал деятелям искусств в защите своих прав, занимался вопросами социального страхования, тарификацией зарплаты.

Остановимся более подробно на помощи Всерабиса безработным. Известно, что переход к новой экономической политике породил безработицу, которая постепенно утяжеляла социальный и моральный климат среди художественной интеллигенции. Целый ряд зрелищных предприятий, снятых с государственного снабжения, должен был закрыться. В результате число безработных постоянно увеличивалось.

По данным Цекрабиса, на 1 февраля 1923 г. из общего числа 52 275 членов безработных насчитывалось 9410 человек, т. е. 18%. Причем это неполные сведения, так как из 76 губернских отделов и 183 секций, объединенных Всерабисом, информацию представили только 56 губотделов. Центром безработицы являлась Москва — 2179 чел. Второе место занимал Петроград — 1022 чел. На третьем месте стоял Крым — 991 чел., где отмечалась особенно тяжелая картина разрухи и голода. Украина была не в лучшем положении. Безработица там являлась прямым наследием недавнего голода и гражданской войны. Киев занимал первое место по безработице — около 700 чел., Харьков — 320 чел., Одесса — 400 чел. Более благополучными в отношении безработицы являются

Сибирь и Туркестан¹⁵. В Саратовской губернии в январе 1923 г. численный состав Союза составлял 1100 человек, из которых работающих было 800, а безработных 200 человек¹⁶.

Помощь нуждающимся со стороны Союза, например, в Ленинграде, оказывалась в следующих формах: периодическими массовыми денежными пособиями в одинаковых суммах (суммы от 15 руб. в октябре 1922 г. дошли до 350 руб. в конце 1923 г.); с конца 1922 г. наиболее нуждающимся (на основании медицинского осмотра) стали выдаваться обеды; при Союзе была открыта небольшая амбулатория, в которой принимали терапевт и ларинголог. По другим специальностям больные направлялись с карточкой амбулатории к лучшим специалистам города. Был оборудован зубоврачебный кабинет и тем безработным, для которых зубы имели значение орудий производства (артисты, духовые оркестранты), вставлялись протезы; бесплатно выдавались лекарства, причем Медснаб предоставлял скидку в размере 4%, идя навстречу художественной интеллигенции, ввиду того, что подавляющее число из них не было застраховано; наиболее истощенные посылались на двухнедельный срок в Совхоз Союза для поправки здоровья (средний расход с проездом за 220 верст — 22 товарных рубля); большое внимание уделялось восстановлению орудий производства: починка зубов артистам и духовникам, необходимый ремонт инструментов, починка обуви и т. д.; усиленное пособие оказывалось на выезд на родину (оплачивалось 50% проезда) в случае болезни или смерти членов семьи; огромное значение имела организация работ: 1) содействие организации коллективов и выдача им подъемных, пособия для переезда на службу отдельным лицам; 2) общественные работы, т. е. посылка безработных на культшефские концерты. Как писали в периодической печати, «при оплате хотя и невысокой, но для самолюбия нуждающегося товарища более приятной, чем какой бы то ни было даже самый дружелюбный вид пособия».

ЦК Всерабиса создавал и некий вещевой фонд для безработных из ЦК Послегола (последствие голода) ВЦСПС, а именно: 202 шт. мужских пальто, 10 английских мужских костюмов и 75 шт. тужурок¹⁷.

В цифрах дело помощи безработным по стране выражалось следующим образом. С 1 августа 1922 по 30 ноября 1923 г. было собрано 2 036 438 руб. 32 коп. За тот же период израсходовано: на выдачу пособий в 4070 случаях — 558 415 руб. 50 коп.; на выдачу обеды (с 23 декабря по 30 ноября) — 43 911 обедов — 863 811 руб. 54 коп.; на медицинскую помощь — 101 844 руб. 73 коп.; подъемные труппам и отдельным лицам в 50 случаях — 72 580 руб. 73 коп.; на посылку шестнадцати безработных в Совхоз для поправки здоровья — 113 255 руб. 36 коп. Итого 1 892 046 руб. 86 коп.

Существует также статистика обратившихся за денежной помощью по специальностям: музыканты — 647 случаев; артисты оперы — 293; драмы — 958; балета — 190; хора — 176; контролеров и билетеров — 438; кассиров — 73; технических работников — 367; канцелярских работников — 55; литературы и теории

искусства — 21; художников — 118; преподавателей — 67; режиссеров — 103; суфлеров — 57; эстрадников — 87; портних — 116; уборщиц — 76; мимистов, киноартистов — 59. Итого 4070 случаев¹⁸.

Таким образом, больше всего нуждающихся было среди артистов драмы, а меньше всего среди кассиров.

Подобная помощь существовала и на местах, но в меньшем размере. В Государственном архиве новейшей истории Саратовской области также имеются обращения в губернский отдел здравоохранения, в частности в зубоврачебную секцию от правления губотдела Всерабис, которое периодически просило о помощи своим членам: «Правление губотдела Всерабис просит оказать возможное содействие артисту Ф. П. Никитину-Фабианскому в изготовлении искусственных зубов в срочном порядке, так как названный артист высококвалифицированный работник, является главным исполнителем репертуара»¹⁹.

Сохранилась переписка губотдела Рабис с губпродкомом от 1921 г. об установлении членам союза единого продовольственного пайка, причем по причине того, что члены союза Рабис первоначально были оставлены без пайка, правление союза разъясняло, что «большинство членов союза состоит из рабочих сцены, занятых исключительно физическим трудом, а актеры, музыканты, художники и др. работают не менее 10–12 часов в сутки, их работа зачастую производится в самых неблагоприятных условиях, да к тому же характер их труда таков, что все они подвергаются трате здоровья, что отражается на нервной системе. Поэтому отказ в продовольственном пайке сильно отразится на всем производстве, которое в настоящее время является важным в области просвещения масс»²⁰. Зачастую Рабис стремился помочь не только непосредственно своим членам, но и их родственникам²¹.

Губотдел Рабис также оказывал содействие в отправке своих членов в здравницы и на курорты, но из переписки с губздравотделом становится понятным, что из всех нуждающихся отправляли немногих. Так, в 1921 г. 77 человекам здравница была необходима, а 11 — желательна, однако отправили лишь 19 человек в здравницу и одного на курорт²².

В условиях безработицы Саратовский губотдел пытался организовывать работу своим членам. В архивных материалах находим удостоверение, выданное члену союза товарищу А. А. Квятковскому в том, что он правлением союза уполномочивается вести переговоры с клубными организациями по вопросу организации работ для членов Рабиса и заключать договоры на указанную работу²³. Губотдел также содействовал в организации сверхурочных работ²⁴.

Справедливости ради необходимо заметить, что, хотя Саратовский губотдел пытался делать некоторые шаги навстречу помощи своим членам, их было явно недостаточно. Из актов обследования театров г. Саратова становится понятным, в каких тяжелых условиях работали люди. Так, в театре им. Карла Маркса рабочих и служащих — 73 человека, сверхурочные работы бывают, но не постоянно, медицинской помощи нет, производственная одежда была выдана

на 9 человек, обуви не получали совсем. Уборщицы моют пол босиком даже в клозетах. Уборная за сценой ввиду замерзания труб часто засоряется, отчего на полу образуется лед, ямы для нечистот переполнены и вывозятся редко. Рабочие нуждаются в обуви, одежде, продовольствии²⁵.

В театре им. Ленина ситуация была не лучше: «...температура в помещении театра ниже 0 °С, в особенности на сцене и в уборных актеров и актрис, где раздеваться не представляется возможным. В одной из пьес по своей постановке требуется играть актерам в трико и сандалиях, а они играют без трико и сандалий при низкой температуре, что не соответствует закону об охране труда»²⁶.

В связи с вышеизложенным инспектор труда призывал союз Рабис и администрации театров принять меры к снабжению уборщиц обувью, рабочих спецодеждой, а также вывезти нечистоты, а указанный спектакль снять с репертуара.

Положение членов Саратовского губотдела Рабис было более тяжелым, чем в остальных профсоюзах города, о чем свидетельствуют многочисленные обращения граждан в президиум правления Рабис: «...просим президиум обратить серьезное внимание на тяжелое положение членов союза, находящихся долгое время безработными и не получающих никакой помощи от Союза. Положение в других союзах во много раз лучше, так как там производятся отчисления определенных процентов в пользу безработных, выдаются пособия и организируются трудовые артели. У нас до сего времени ничего подобного нет. Просим предложить всем работающим членам союза делать отчисления процентов из получаемого жалования в пользу безработных»²⁷.

Довольно частым явлением было желание перейти из Рабиса в другой профсоюз, не боясь утратить свою профпригодность и имея желание выполнять любую другую работу, лишь бы не умереть с голоду: «Состоя на учете секции безработных Биржи Рабис, как учительница музыки, около 2 лет, я не могла получить никакой работы за указанный период, посему прошу правление перевести меня в Союз Совработников и войти в ходатайство перед последним о принятии меня в члены их союза, так как не надеюсь получить работу в Рабис. 24.6.1924»²⁸.

В отдел охраны труда Губернского союза Рабис поступали многочисленные просьбы о помощи разного характера. Одни просили об улучшении условий труда: «Довожу до вашего сведения, что служба в кинотеатре “Идеал” невыносимая. Одежда и обувь служащих не соответствует температуре в театре. Большой недостаток электричества. Просим улучшить положение рабочих. 20.12.1920»²⁹; вторые просто просили о социальном обеспечении: «Ввиду преклонного возраста и одержимости болезнями, прошу принять меня, Бориса Львовича Обермана на социальное обеспечение. 14.05.1924»³⁰; третьи просили о жаловании: «Прошу вашего распоряжения о срочной выдаче следуемого мне жалования, ждать больше не могу, ибо все, что возможно было пришлось снести на базар, дабы не умереть голодной смертью. Артистка группы тетра им. Фри-

дриха Энгельса П. С. Родионова. 30.10.1921»³¹; четвертые просили содействия в организации выставок, концертов и др.³²

Заслуживающим особую внимание является обращение в правление Рабис г. Саратова бывшего профессора Бухарестской консерватории Мориса Руфиновича Люстгартена, который просил лишь о разрешении на открытие в Саратове частных музыкальных курсов, на которых он лично, без преподавателей музыки, желал преподавать. Профессор оговаривал плату за обучение — не выше 25 и не ниже 20 рублей за половину учебного сезона из расчета 2-часовых занятий в неделю на каждого ученика³³.

В архивных материалах нет ответа правления Рабис на данное обращение, однако прилагается объявление, из которого становится ясно, что М. Р. Люстгартен все же добился своей цели и открыл музыкальные курсовые уроки, но не в Саратове, а в Симбирске по ул. Карла Маркса и Верхней-Лесной в доме № 12³⁴.

Возникает закономерный вопрос об источнике финансирования Всерабиса. Ответ мы находим в той же статье «Вестника работников искусств»: все театры, в зависимости от доходности, должны играть в пользу профсоюза от 2 до 4 раз в год; все члены Всерабиса, не имеющие возможности личным трудом участвовать в театральных предприятиях (педагогический, конторский труд, музейные рабочие и пр.) целыми коллективами, по первой тревоге Союза, должны проводить добровольные самообложения в размере от 1/2 до 2% — на месяц, на два, а то и больше, — в зависимости от нужды; работники театра должны делать то же самое, в случае если Всерабис к ним обратится; время от времени должны организовываться киноконцерты с переброской лучших сил центра в районы; средства от пожертвований, штрафов, аукционов и т. д.³⁵

Ответная реакция со стороны членов профсоюза не была однозначной. Ленинградские работники искусств были настолько солидарны, что отзывались на первый же зов о помощи без малейшей заминки³⁶. Однако существовали и другие примеры. Гастролировавшая в Гомеле в 1923 г. труппа 2-й студии МХАТ категорически отказалась внести процентные отчисления. Правление Губотдела, принимая во внимание художественную ценность спектаклей Студии, не сочло возможным сорвать их, но вынуждено было довести до сведения Московского Губрабиса и Центрального Комитета о недопустимом поведении гастролеров и о взыскании с них причитающейся суммы³⁷.

Нельзя отрицать, что Всерабис, помимо социально-экономической и правовой помощи своим челнам, все же занимался культурно-просветительской работой, пропагандируя большевистскую идеологию, задачей которой было: поднятие политической сознательности членов союза; развитие профпропаганды и ликвидация безграмотности; устройство периодических диспутов по вопросам искусства и докладов по политическим вопросам и по профдвижению³⁸.

Ликвидация безграмотности производилась в разных формах. Так, интересным представляется вариант, предложенный культотделом Одесского

Губотдела Союза совработников, который в 1925 г. выпустил в свет и стал распространять карты «Профдурачок». Они представляли из себя игру, при помощи которой изучение элементарных основ профграмотности становилось легким и в то же время служило приятным времяпрепровождением. В результате за короткое время губотделы Союзов, их клубы, низовые профячейки различных городов приобрели огромное количество колод «Профдурачок», что свидетельствовало о большом успехе данной игры. Указывается и цена колоды — 52 карты — 1 руб. 25 коп.³⁹

При Саратовском губернском отделе Всероссийского профессионального союза работников искусств в 1924 г. был создан клуб, целью которого была политико-просветительская работа на основе самодеятельности самих членов. В частности, предполагалось вовлечение членов клуба в политическую, хозяйственную и художественную жизнь страны путем создания обстановки, при которой трудящиеся могли иметь отдых и развлечения. Членство в клубе предполагалось добровольное и неограниченное. Средства клуба формировались из вступительных членских взносов в размере 15 коп. и ежемесячных в размере 10 коп., а также из доходов от платных постановок спектаклей, концертов, ассигнований из культотдела союза и добровольных пожертвований. Управление клубом возлагалось на общее собрание и правление клуба, однако общее наблюдение и руководство деятельностью клуба принадлежало правлению Союза, которое имело право вносить в план изменения и дополнения⁴⁰. Из отчета о работе правления клуба с 15 декабря по 3 февраля 1924 г., т. е. с момента основания, виден характер его деятельности. Так, в первую очередь внимание было обращено на ленинский уголок, в который был приобретен бюст Ленина, закуплены плакаты и знамена. В библиотеке был пересмотрен каталог книг, в результате чего «устаревшие, ненужные, а порой даже вредные по своему содержанию» книги исключены.

При клубе были созданы следующие кружки: 1) школа по ликвидации неграмотности, обслуживающая в двух группах 30 человек; 2) кружок профдвижения — 18 человек; 3) шахматно-шашечный кружок — 10 человек; 4) музыкальный кружок — 10 человек. Интересное уточнение про кружок политической грамотности: «...кружок полит. грамотности передан в ячейку РКП и при клубе не работает»⁴¹.

За отчетный период был прочитан ряд лекций: «Ужасы грядущей войны», «Любовь, брак и семья», «О сифилисе», «Наука, религия и быт», «Современный театр». Необходимо заметить, что в данном отчете, как и в последующих, отмечалась индифферентность масс к клубной работе. Делались попытки проанализировать данный факт. Среди причин назывались «отсутствие времени у работников, невозможность привести клуб в надлежащий порядок, отопить и осветить его, предоставить посещающим некоторый уют»⁴².

В качестве путей решения данной проблемы предполагалось ввести интерактивные формы: «...перенести центр тяжести с кружковой на массовую работу

в совершенно новых формах: вместо старых спектаклей, концертов — теперь вечера вопросов и ответов, семейные вечера, живые газеты, справочная работа и т. д.». Ставилась задача даже вывести сами термины «спектакль, концерт» из клубного употребления и клубной практики. Тематика художественных вечеров предлагалась различная, но, безусловно, присутствовала созвучность эпохе. Так, на первое место предлагалось ставить вечера по политическим кампаниям, затем все остальные. Содержание рекомендуемых вечеров следовало в основной части посвящать положительному моменту, а не моменту отрицания, сатиры. Иными словами, если, например, вечер посвящен кооперации, то основная часть должна следовать цели убедить присутствующих в положительном значении кооперации⁴³.

Преимущество новых форм объяснялось тем, что они «в наибольшей степени могут приспособиваться к запросам союзных масс, тем, что в состоянии сочетать моменты отдыха и разумного вовлечения членов клуба в политико-просветительскую, профессиональную и производственную работу»⁴⁴.

В отношении деятельности Рабиса по поднятию у его членов политической сознательности необходимо отдельно остановиться на работе школ политграмотности при профорганизациях союза Рабис.

При Саратовском губернском отделе существовали школы 1-й и 2-й ступени. В школе 1-й ступени числилось 20 человек, во 2-й соответственно — 21 человек. В архивных документах можно найти список пособий к программе школ — это работы Ленина, Зиновьева, Троцкого, Радека, советского историка Покровского, всего значилось 110 наименований⁴⁵.

Из дневника посещаемости слушателей школы политграмотности 1-й ступени становится ясно, что она была ниже средней. Так, из 10 занятий активное посещение наблюдалось на первых трех, после чего фиксировалось резкое снижение. При этом на полях имелись заметки, явно противоречащие действительности: «...посещаемость была средняя, внимание слушателей было хорошее, после лекции задавались вопросы»⁴⁶.

Из объяснительных слушателей школ по поводу пропусков становится понятной их явная незаинтересованность в посещении: «...не имел возможности посетить кружок полит. грамотности, так как болел, не имел сил работать и не мог вообще выходить из дома. 20 ноября 1924 г.»⁴⁷. Текст таких объяснительных практически один и тот же, а их количество довольно большое, что свидетельствует, что присутствие на лекциях слушателей было принудительным и их посещаемость строго контролировалась.

В качестве рекомендаций для оптимизации работы политшкол на совещании секретарей школ от 6 сентября 1925 г. предполагалось «устранить слабую посещаемость слушателей школ, установить время занятий школ наиболее удобное для слушателей, изжить со стороны руководителей загромождения слушателей вопросами и нетактичное отношение к ним (командование, невнимательное отношение к их запросам и прочее)»⁴⁸.

Из отчета правления Саратовского губотдела Всероссийского союза работников искусств за 1924–1925 гг. становится понятным партийный состав союза: из 1100 человек членов РКП — 25 человек, членов ВЛКСМ — 10 человек⁴⁹.

В связи с этим спорной представляется точка зрения Ф. В. Чернышева о том, что «создание Всерабиса положило начало массовой советизации художественной интеллигенции»⁵⁰. Вступление во Всерабис, безусловно, означало, что ее член сотрудничает с советской властью, но у творческой интеллигенции порой не было другого выхода, чтобы выжить. Было очевидным, что те представители творческой интеллигенции, которые проявляли лояльность по отношению к советской власти, могли рассчитывать на особое отношение. Даже уезжая за границу на время, члены Всерабис желали сохранить свое членство, так как, потеряв его, могли лишиться средств к существованию. Так, некая гражданка М. Л. Мертенс просила Саратовский губернский союз Рабис оставить ее членом, несмотря на то что уезжала получать образование за границу⁵¹. В архивах сохранилось большое количество заявлений о приеме в профсоюз, но встречаются дела и об исключении из него по самым разным причинам.

Устав Всерабиса содержал перечень причин исключения из членов профсоюза: нарушение устава; неподчинение постановлениям Всерабиса; неблагоприятные поступки, несовместимые со званием члена профессиональной организации; неуплата членских взносов в течение трех месяцев без уважительных причин; заявление о своем выбытии из Союза или переходе в предприятие или учреждение, объединяемое другим союзом; наличие обстоятельств, препятствующих состоянию в Союзе⁵².

Протоколы дисциплинарного суда содержат описание проступков, служащих основанием для исключения из профсоюза: ссора с коллегами, выход на работу в пьяном виде, нелояльное высказывание в адрес сотрудника месткома и др.⁵³

Интересный случай имел место в Виннице, где группа оркестрантов в день еврейского религиозного праздника обходила местных жителей по квартирам, поздравляя их. Правление Губрабиса, заслушав подобную информацию о позволивших себе это оркестрантах Бароне, Лиссаке, Кнайфеле, Кравце и Мильграме и принимая во внимание, что такой проступок является наследием старого строя, постановило организовать публичный агитационный суд над ними и провести переквалификацию с целью удаления их из Союза⁵⁴.

Ситуации, в которые попадали представители творческой интеллигенции в Саратове, и причины, из-за которых они лишались членства в Рабисе, вызывают сочувствие. Так, безработный и бывший член Саратовского губернского отдела Рабиса И. П. Щербаков 12 ноября 1925 г. был исключен, но уже 13 ноября он написал заявление о восстановлении в членстве профсоюза, поскольку считал, что его исключение было несправедливым: «Я был исключен, как торговец, в действительности же торговлей я никогда не занимался, ввиду того, что Союз не предоставлял мне никакой работы и дабы не умереть с голоду, я занимался починкой старой обуви, чем еле-еле добывал на хлеб»⁵⁵.

Таким образом, в условиях становления советской власти Всерабис играл важную социально-экономическую роль в жизни творческой интеллигенции. И хотя государство стремилось к ее массовой советизации, а вступление в профсоюз работников искусств означало сотрудничество с ним, значительная часть творческой интеллигенции была заинтересована больше материально, пыталась защитить свои права, нежели быть проводником и рупором пролетарской коммунистической идеологии. Профсоюзу не удалось в полной мере стать школой коммунизма, как требовала от него партия.

- ¹ Петрова Л. И. Советские профсоюзы в восстановительный период. 1921–1925 гг. М., 1962; Белоносов И. И. Советский профсоюз в годы войны. М., 1970.
- ² Коржихина Т. П. Извольте быть благонадежны! М., 1997.
- ³ Жидков В. С. Театр и власть. 1917–1927. От свободы до «осознанной необходимости». М., 2003; Соскин В. Л. Российская советская культура. 1917–1927 гг.: Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.
- ⁴ Сибиряков И. В. Всерабис: страницы истории. Челябинск, 2006.
- ⁵ Федосеева Л. Ю. Правовые условия деятельности касс взаимопомощи в профсоюзе работников искусств в 1920–1930 гг. (на материалах средней Волги) // Актуальные проблемы истории политики и права сборник статей III Всероссийской конференции преподавателей и студентов. Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2013. С. 200; Цыкина Ю. Ю. Роль профсоюза работников искусств (РАБИС) в формировании новой пролетарской культуры в 1920-х гг. (на примере Марийской автономной области) // Марийский археологический вестник. 2015. № 25. С. 136; Крыловская И. И. Хроники деятельности харбинского отделения профессионального союза работников искусств (1925–1929 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11/1 (73). С. 72.
- ⁶ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее — ГАНИСО). Ф. 6091. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6879. Оп. 1. Д. 27. Л. 34.
- ⁸ Там же. Д. 25. Л. 908–911.
- ⁹ ГАНИСО. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Л. 1–2. Предисловие.
- ¹¹ Горин А. Кто мы такие? // Вестник работников искусств. 1923. № 5/6. С. 21.
- ¹² Там же. С. 22.
- ¹³ ГАНИСО. Ф. 6091. Оп. 1. Предисловие. Л. 1–2.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5508. Оп. 1. Д. 70. Т. 2. Л. 119.
- ¹⁵ Е. Л. Безработца и борьба с ней // Вестник работников искусств. 1923. № 7/8. С. 100.
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 131. Л. 24.
- ¹⁷ Левик Р. Помощь безработным в Ленинграде // Вестник работников искусств. 1924. № 1/2. С. 104.
- ¹⁸ Там же. С. 104, 105.
- ¹⁹ ГАНИСО. Ф. 6091. Д. 61. Л. 28.
- ²⁰ Там же. Д. 67. Л. 69.
- ²¹ Там же. Д. 61. Л. 41.
- ²² Там же. Л. 12.
- ²³ Там же. Оп. 1. Д. 91. Л. 39.

- ²⁴ Там же. Д. 28. Л. 42.
²⁵ Там же. Д. 29. Л. 83.
²⁶ Там же. Л. 87.
²⁷ Там же. Д. 91. Л. 35.
²⁸ ГАНИСО. Ф. 6091. Д. 91. Л. 208.
²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 52.
³⁰ Там же. Д. 91. Л. 152.
³¹ Там же. Д. 26. Л. 9.
³² ГАНИСО. Ф. 6091. Д. 173. Л. 35.
³³ Там же. Д. 91. Л. 218.
³⁴ Там же. Л. 210.
³⁵ Левик Р. Помощь безработным в Ленинграде. С. 105.
³⁶ Там же.
³⁷ Славинский Ю. О фонде «Последогол» // Вестник работников искусств. 1923. № 9. С. 39.
³⁸ Волгушева А. О. Культурная политика советской власти и художественная интеллигенция: 1917–1932 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 19.
³⁹ ГАНИСО. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 130. Л. 11.
⁴⁰ Там же. Л. 3.
⁴¹ Там же. Л. 14.
⁴² Там же.
⁴³ Там же. Л. 20.
⁴⁴ Там же. Л. 70.
⁴⁵ Там же. Д. 220. Л. 3.
⁴⁶ Там же. Л. 12.
⁴⁷ Там же. Л. 7–9.
⁴⁸ Там же. Л. 24.
⁴⁹ Там же. Д. 131. Л. 24.
⁵⁰ Чернышев Ф. В. Роль российской творческой интеллигенции в организации профессионального движения работников искусств // Интеллигенция в политической истории XX века: Тез. докл. межгосударственной науч.-теор. конф. Иваново, ИвГУ, 23–24 апреля 1992 г. / Отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1993. С. 173.
⁵¹ ГАНИСО. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 91. Л. 223.
⁵² Коцын Б. Проект устава // Вестник работников искусств. 1923. № 7/8. С. 57.
⁵³ ГАНИСО. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 91. Л. 222.
⁵⁴ Вестник работников искусств. 1923. № 7/8. С. 57.
⁵⁵ ГАНИСО. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 173. Л. 31.

References

BELONOSOV I.I. *Sovetskij profsoyuz v gody vojny* [Soviet trade union in the war years. In Russ.]. Moscow, 1970.

CHERNYSHEV F.V. *Rol' rossijskoj tvorcheskoy intelligencii v organizacii professional'nogo dvizheniya rabotnikov iskusstv* [The role of the Russian creative intelligentsia in the organization of the professional movement of artists. In Russ.] // Intellectuals in the political history of the 20th century. Mezhdunarodnaia nauchnoprakticheskaia konferentsiia (23–24 aprelya 1992 g.). Ivanovo, 1993. P. 173.

CYKINA Y.U. *Rol' profsoyuza rabotnikov iskusstv (RABIS) v formirovanii novoj proletarskoj kul'tury v 1920-kh gg. (na primere Marijskoj avtonomnoj oblasti)* [The role of the Artists' Union (RABIS) in the formation of a new proletarian culture in the 1920s (on the example of the Mari Autonomous Region). In Russ.] // Marijskij arheologicheskij vestnik. 2015. No. 25. P. 136.

FEDOSEEVA L.Y. *Pravovye usloviya deyatel'nosti kass vzaimopomoshchi v profsoyuze rabotnikov iskusstv v 1920–1930 gg. (na materialah srednej Volgi)* [Legal conditions of the activity of mutual aid banks in the trade

union of art workers in 1920–1930 (on the materials of the middle Volga). In Russ.] // Aktual'nye problemy istorii politiki i prava sbornik statej III Vserossijskoj konferencii prepodavatelej i studentov. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj tehnologičeskij universitet, 2013. P. 200.

KORZHINIINA T. P. *Izvol'te byt' blagonadezhny!* [Kindly be trustworthy. In Russ.]. Moscow, 1997.

KRYLOVSKAYA I. I. *Hroniki deyatel'nosti harbinskogo otdeleniya professional'nogo soyuza rabotnikov iskusstv (1925–1929 gg.)* [The Chronicles of the Harbin Branch of the Professional Union of Artists (1925–1929). In Russ.] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. No. 11/1. P. 73–74.

PETROVA L. I. *Sovetskie profsoyuzy v vosstanovitel'nyj period. 1921–1925 gg.* [Soviet trade unions in the recovery period 1921–1925 gg. In Russ.]. Moscow, 1962.

SIBIRYAKOV I. V. *Vserabis: stranicy istorii* [Vserabis: pages of history. In Russ.]. Chelyabinsk, 2006.

SOSKIN V. L. *Rossijskaya sovetskaya kul'tura. 1917–1927 gg.: Oчерki social'noy istorii* [Russian Soviet Culture. 1917–1927: Essays of the Social history. In Russ.]. Novosibirsk, 2004.

ZHIDKOV V. S. *Teatr i vlast'. 1917–1927. Ot svobody do "osoznamnoj neobhodimosti"* [Theater and power. 1917–1928. From freedom to “conscious necessity”. In Russ.]. Moscow, 2003.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. А. Воробьева, А. О. Волгушева, А. Ю. Комарков. Деятельность профсоюза работников искусств в 1920-е гг. (с привлечением материала по Саратовской губернии) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 98–112

Аннотация: В статье рассматриваются задачи советской власти при создании профсоюза работников искусств (Всерабис) и мотивы вступления в профсоюз творческой интеллигенции. На основе материалов периодической печати 1920-х гг. и документов Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) проанализирована деятельность как Рабиса в масштабах страны, так и губотдела в Саратовской губернии. Рассматривается помощь Всерабиса безработным во время нэпа, предоставление членам курортного лечения, денежной помощи. Уделяется внимание работе профсоюза по ликвидации безграмотности и по поднятию политической сознательности его членов. Авторы приходят к выводу, что главной причиной вступления творческой интеллигенции во Всерабис было желание выжить в сложной социально-экономической реальности. Описывается бедственное положение творческой интеллигенции. Задачи, поставленные перед профсоюзом партией, — стать проводником идеологии коммунизма, оказались не выполненными.

Ключевые слова: культура, искусство, система, отдел, государство, нэп, Всерабис, съезд профсоюзов, Наркомпрос, работники искусств, советская власть.

FOR CITATION

S. A. Vorobyeva, A. O. Volgusheva, A. Y. Komarkov. The trade union of art worker's activities in the 1920s (including data concerning the Saratov region) // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 98–112

Abstract: The article examines the tasks of the Soviet government in creating a trade union of art workers (Vserabis) and the reasons for joining the Union of creative intellectuals. On the basis of the periodical press materials dated the 1920s and the documents of the Saratov Region Newest History State Archive (GANISO), Rabis' activities were analyzed both nationwide and including the government department activity in the Saratov province. The assistance of Vserabis to the unemployed during the NEP is being considered, providing members with spa treatment, cash assistance. Attention is paid to the work of the trade union in eliminating illiteracy and raising its political consciousness among its members. The authors conclude that the main reason for the entry of the creative intellectuals into Vserabis was the desire to survive in a complex socio-economic reality. Describes the plight of the creative intelligentsia. The tasks assigned to the trade union by the party — to become a guide for the ideology of communism, turned out to be unfulfilled.

Key words: culture, arts, government, department, state, NEP, Vserabis, People's Commissariat for Education, art workers, Soviet power.

Автор: **Воробьева, Светлана Александровна** — д. филос. н., доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского химико-фармацевтического университета.

Author: **Vorobyeva, Svetlana Aleksandrovna** — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Department of Social and Humanity Sciences, Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University.

E-mail: svetlana.vorobieva@pharminnotech.com

ORCID 0000-0002-3552-4942

Автор: **Волгушева, Алла Олеговна** — к. и. н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского химико-фармацевтического университета.

Author: **Volgusheva, Alla Olegovna** — PhD in history, Associate Professor, Department of Social and Humanity Sciences, Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University.

E-mail: Volgusheva_irbis@mail.ru

ORCID 0000-0003-2816-5336

Автор: **Комарков Александр Юрьевич** — к. и. н., старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского химико-фармацевтического университета.

Author: **Komarkov, Aleksandr Yuryevich** — PhD in history, Assistant Professor, Department of Social and Humanity Sciences, Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University.

E-mail: Aleksandr-komarkov@rambler.ru

ORCID 0000-0003-4684-421X